

Елена Коряковцева
Москва–Седльце

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СТОЛИЧНОЙ ПРЕССЕ

Анализ культурной ситуации в России рубежа XX–XXI вв., проделанной социопсихологами¹, показал, что хроническое неблагополучие российской жизни во многом обусловлено болезненными разрывами между исчезающим миром и остающимся умонастроением российского общества, которое переживает тяжкий процесс превращения сознания коллективного («соборного») и коммунистически воспитанного в сознание личное и критическое. В условиях «смутного времени», по мнению социологов², необходим тщательный анализ культурных средств модернизации, среди которых главная роль должна принадлежать публичным дискуссиям мировоззренческого характера, построенным на современных моральных основаниях, прежде всего таких, как запрет на инструментальный подход к человеку, признание его права быть самим собой.

Культурные средства в решении проблем модернизации должны быть использованы прежде всего средствами массовой информации, поскольку они оказывают огромное влияние на качество общественной жизни. Комментируя и аранжируя события, СМИ выстраивают иерархию этических и эстетических ценностей, а нередко даже навязывают своей аудитории образцы рецепции истин — исторических, социально-политических, психологических и др. Тем самым масс-медиа реально влияют на качество публичного дискурса, на организацию моделей общественной жизни, на формирование у общества его собственного образа. Главное орудие и оружие средств массовой информации — это язык. Всесторонне исследуя язык СМИ, можно получить достаточно полное представление об условиях жизни народа, находящегося в поле их

¹ См., например: М. С. Гусельцова: *Философские горизонты психологических исследований*. «Вопросы психологии» 2004, № 3.

² См.: Х. Арндт: *Vita active, или О деятельной жизни*. Санкт-Петербург 2000; Ю. Хабермас: *Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике?* Москва 2002.

действия. Однако многоаспектный анализ языка российских масс-медиа — это задача монографического исследования. В рамках статьи могут быть изложены лишь результаты анализа некоторых особенностей языка современных масс-медиа. В данной статье рассматриваются языковые средства формирования образа российской действительности в ведущих столичных газетах, анализируются способы представления и журналистской оценки таких этических и социоцентрических ценностей, как «народ», «государство», «общество», «патриотизм». Анализируя газетные тексты, в которых фигурируют эти понятия, мы старались выявить возможный потенциал воздействия таких текстов на читателей — россиян, потерявших в смутном времени, которым, по утверждению социопсихологов³, необходимы идеалы не только для того, чтобы обрести личную психическую стабильность, но и для того, чтобы не стать жертвами общественной катастрофы.

Принимая во внимание неоднородность обширного «медиального рынка» столицы, мы сосредоточились на статьях оценочного характера, опубликованных в тех общероссийских изданиях, которые оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения. Материалом для анализа послужили тексты проблемных статей, опубликованных с января 2004 г. по март 2005 г. в многотиражных некоммерческих общероссийских газетах «Известия», «Труд», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», имеющих высокий рейтинг читательского доверия ещё со времен СССР. Спорадически использовались материалы популярной молодёжной газеты «Московский комсомолец», в постсоветский период перешедшей в разряд эпатажной «желтой прессы»⁴.

Реконструируя образ российской действительности на базе текстов статей, мы ставили перед собой следующие вопросы: В каких условиях живет население России? Каковы взаимоотношения россиян и государственной власти? Как столичные журналисты оценивают общественно-политическую позицию, социальное положение и человеческие качества своих сограждан? С помощью каких языковых средств и речевых стратегий описывается их жизнь в газетах разной социальной направленности?

Большая часть россиян живёт в провинции, в этой связи целесообразно выяснить, каков объем понятия «провинция», какое лексическое содержание имеет обозначающее его слово в современном языке. Объем понятия «провинция» изменялся в русском общественном сознании, и как следствие, изменялось лексическое содержание соответствующего ему слова. Появление в начале XVIII века существительного «провинция», латинского по

³ См., например: В. Н. Сорока-Росинский: *Педагогические сочинения*. Москва 1991.

⁴ Для обозначения этих газет в тексте статьи используются следующие сокращения: АиФ — «Аргументы и факты», «Известия» — «Известия», КП — «Комсомольская правда», МК — «Московский комсомолец».

происхождению, было обусловлено новыми принципами административно-территориального деления Российской империи. Слово «провинция» вошло в русский язык как термин со значением «административно-территориальная единица в составе губернии»⁵. В начале XX века Российская империя пала, слово «провинция» утратило терминологический характер, но не вышло из активного словаря. Контрадикторная оппозиция «Москва — все регионы России», существующая в обыденном общественном сознании, обусловила расширение объема значения детерминологизированного слова: в языке современной столичной прессы «провинция» — это «все административно-территориальные единицы России, за исключением Москвы».

При чтении проблемных статей, опубликованных в федеральной газете «Известия», нельзя не заметить, что журналисты крайне редко применяют к россиянам наименование «народ». В российской провинции нет «народа», а есть «население», т.е. «непрерывно возобновляющаяся в процессе воспроизводства совокупность людей, живущих в пределах страны», ср.: «наше население»; «нынешнее население»; «аморфное население»; «население, пребывающее в мертвенной теплохладности»; «население [...] в теплохладности, близкой к трупному остыванию»⁶. Как следует из текста статьи Максима Соколова, «населением», а не «народом» россияне названы по причине их несознательности: 77% жителей российских регионов не хотят «поступить частными эгоизмами, праздничным ритуалом [...] водкой 7 ноября под винегрет и поддержать решение правительства о замене советского праздника на нерабочий день 4 ноября, устанавливаемый в честь освобождения Москвы от польских захватчиков в 1612 г.»⁷. Усиливая действенность презрительного осуждения «населения», названного «аморфным», автор статьи уточняет его характеристику внутрисловным оксюмороном «теплохладность», созданным по модели, типичной для калек греческих *nomina abstracta* в средневековых переводах творений отцов церкви на темы морали, ср. «теплохладность» со старославянским корнем *хлад-* и *благолѣпность/ευφρέλεια* (Изборник 1076 г. — КДРС⁸). Композит «теплохладность» журналист уточняет эпитетом «мертвенная» и ассоциативной метафорой «близкая к трупному остыванию», которые создают у читателя представление о недавней смерти российского

⁵ Советский энциклопедический словарь. Ред. А. М. Прохоров. Москва 1983, с. 1059.

⁶ См., например, Н. Александров: *Современность обесценилась*. «Известия» 05.11.2004, с. 11; С. Лесков: *Вальпургиева ночь*. «Известия» 09.12.2004, с. 4; М. Соколов: *Нерабочий день для населения*. «Известия» 09.11.2004, с. 4.

⁷ М. Соколов: *Нерабочий день для населения...*

⁸ О методах калькирования см., например: И. С. Улуханов: *Некоторые вопросы техники переводов с греческого, сделанных на Руси*. В кн.: *Древнерусский язык. Лексикология и словообразование*. Москва 1975. КДРС — Картотека Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), хранится в Институте русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук (Москва).

«населения». Рецепиентами текста использование таких характеристик может быть воспринято как «табуированный посыл» — пожелание смерти, а коммуникативная цель журналиста, представляющего «аморфное население» как логово темных, импульсивных сил, может быть понята как желание оскорбить, уничтожить словом несознательную массу⁹.

Современную жизнь российского «населения» обозреватели «Известий» оценивают отрицательно с помощью пейоративизмов «маргинальная», «вульгарная», «неприятная», «банальная»¹⁰. Для них очевидна «обесмысленность совместного проживания аморфного населения на некоторой неоформленной территории»¹¹. Бытие россиян — «загробное» ввиду его «безысходности» (М. Соколов) и «перманентного идиотизма»¹². Определение «неоформленная» в отношении к слову «территория» (проживания «аморфного населения») создает аллюзию, которая может быть расшифрована читателями как указание на отсутствие республики у русских. Окказионально-авторский неологизм Соколова — «обесмысленность» — обозначающий синкретичное свойство-состояние, сохраняет семантический оттенок страдательности и видо-временные характеристики, присущие производящему причастию «обесмысленный» (ср. «обесмысленность» с отъядьективным существительным «бесмысленность», обозначающим статический признак). Анализ формы и семантики существительного «обесмысленность» логически подводит читателя к вопросу об активном каузаторе ситуации: «Кто (или что) обесмыслил совместное проживание россиян на территории их страны?».

В тексте статьи *Нерабочий день для населения* нет прямого ответа на этот вопрос, однако в ней отчетливо прослеживается дистантная причинно-следственная связь словосочетаний «загробное бытие» и «обесмысленность совместного проживания аморфного населения», которая может быть дешифрована так: нет смысла в «совместном проживании населения *за гробом*», т.е. после смерти нации.

Характеристика российской жизни, данная другим обозревателем «Известий» (С. Лесковым), — «перманентный идиотизм бытия» — свидетельствует о том, что «аморфное население», именуемое в его статье также «русским обществом», еще живо, хотя и охвачено процессами далеко зашедшей «маргинализации», «дебилизации» и «шизофренизации», начавшимися ещё в 90-е годы XX века.

Поскольку россияне, по мнению обозревателей «Известий», — это «аморфное население», пребывающее либо в «мертвенной теплохладности, близкой

⁹ См. об этом: К. Ф. Седов: *Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции*. Москва 2003, с. 85.

¹⁰ Н. Александров: *Современность обесценилась*. «Известия» 05.11.2004, с. 11.

¹¹ М. Соколов: *Нерабочий день для населения...*

¹² С. Лесков: *Вальпургиева ночь*. «Известия» 09.12.2004, с. 4.

к трупному остыванию», либо в «перманентном идиотизме», то отсутствие слова «гражданин» в их статьях о российской жизни вполне закономерно. С первой трети XIX века слово «гражданин» используется как наименование общественно активного, преданного своему отечеству человека; полноправного члена государства¹³. Статьи обозревателей «Известий», процитированные выше, создают у читателя представление о том, что российскую провинцию населяют недееспособные, умственно неполноценные люди, уверенные в том, что «все исходящее от власти плохо по определению»¹⁴, и потому в большинстве своем настроенные против проводимых ею реформ. Такие члены государства не могут быть названы «народом» и «гражданами», и потому для обозначения представителя «аморфного населения» используется стилистически сниженное слово «обыватель» — ‘человек, живущий мелкими, личными интересами’¹⁵. Если «простой обыватель проникается государственным интересом [...] и чувствует себя лицом государственным», осознает свою «особость» и «особенную статью» России, то представитель «четвертой власти» высокомерно-иронически оценивает «обывателя» как «забавного», поскольку «государственный интерес — дело сложное и значительное», а он, обыватель, — «простой», т.е. ‘ничтожный’¹⁶. В применении к «обывателю» качественно-оценочный предикат «особость» и цитата из Тютчева — «особенная статья» — употребляются как презрительная насмешка, выражающая противоположный смысл — ‘заурядность’. Стиль речевого поведения журналиста «Известий» (Н. Александрова) воспринимается как конфликтно-манипуляторский¹⁷, поскольку читатель становится свидетелем косвенной агрессии, которая находит выражение в вышучивании и поучениях в адрес рядового россиянина («обывателя»), представляемого как существо, находящееся на низкой ступени умственного развития.

В газетах «социально-критической направленности», к которым причисляют себя «Аргументы и факты» и «Труд», слово «гражданин» в проблемных статьях также не встречается. Этот факт, очевидно, объясняется униженным социальным положением рядовых россиян, прямо названных в заголовке одной из статей «рабами расейского разлива»¹⁸. Аллитерация в заголовке, безусловно, используется для привлечения внимания читателя, однако она является семантически значимой, поскольку в тексте статьи названы причины, по которым россияне оцениваются как «рабы», а не как полноправные

¹³ Об истории этого слова см.: И. С. Улукханов: *История слов горожанин–гражданин*. В кн.: *Этимологические исследования по русскому языку*. Москва: МГУ 1968, вып. VI.

¹⁴ М. Соколов — «Известия» 09.11.2004, с. 4

¹⁵ См., например: Н. Александров: *Коммунисты не подают милостыню*. «Известия» 21.01.2005, с. 23

¹⁶ Там же.

¹⁷ О данном стиле см.: К. Ф. Седов: *Дискурс и личность...*, с. 88.

¹⁸ См. А. Крашаков: *Рабы «расейского разлива»*. «АиФ» 2005, № 6, с. 6.

члены государства, «граждане»: зарплаты у «гибельно терпеливых» россиян «бессовестно низкие», «невплаты их — норма», «рабы расейского разлива» часто «работают задарма».

Из текстов проблемных статей, публикуемых в «Известиях», следует, что Россия — «неустроенная, ненакормленная» и «по сути озверевшая страна»¹⁹, а российское общество «постепенно съезжает с катушек» («сходит с ума») и нуждается в смирительной рубашке²⁰, т.е. «становится буйно помешанным». В такой стране и в таком обществе «быть умным невыгодно», и потому бурно идет процесс «утечки умов»²¹. Ряды «отъезжантов»²² и «невозвращенцев»²³ пополняют молодые, но «отнюдь не наивные лауреаты международных олимпиад», которые понимают, что в России «горе горькое от ума», и потому «не думают о прославлении страны»; они не «патриоты»²⁴. «Патриот» — это «наивный, неумный человек, патриотическими чувствами которого манипулируют представители СМИ Министерства обороны», т.н. «минобороновские пиарщики» (от *пиар* < англ. PR = *public relation* «средства массовой информации»). В таком конкретизированном значении, включающем в себя экспрессивный высокомерно-пренебрежительный оттенок, употребляют слова «патриот», «патриотизм» журналисты «Московского комсомольца» (в «Известиях» за 2004 — начало 2005 года в характеристиках россиян слова «патриот», «патриотизм» нами не обнаружены), ср.: «наконец-то заработал хваленый минобороновский пиар [...], повлиявший на подъем патриотизма у молодых людей»²⁵. Эффективным приемом сатирического решения темы любви к Родине является шрифтовое выделение букв, введенных в состав слова «патриотизм» в заголовке — «**пиар**триотизм». Создавая аллюзию, автор текста актуализирует в сознании читателя мотивирующее слово «пиар» и семантически реинтерпретирует дериват «патриотизм», наделяя его новым, уточненным значением «патриотические чувства как результат умелой манипуляции СМИ». Логический вывод о взаимодействии власти и народа, который может сделать читатель, таков: власть перешла от тоталитарных принципов управления к манипуляторским методам, сохраняя старую идеологическую модель «человек ничто, система всё».

Этот вывод поддерживается чтением статей, в которых пишется о том, что российское государственное устройство, «общество», характеризуется «невероятной жестокостью», в «нем превалирует мнение, что человек — это

¹⁹ М. Леонтьев: *Союз меча и орала*. «Известия» 26.02.2004, с. 4.

²⁰ С. Лесков: *Вальпургьева ночь*. «Известия» 09.12.2004, с. 4.

²¹ Там же.

²² А. Колесников: *Островная империя*. «Известия» 30.12.2004, с. 2.

²³ В. Цепляев, Е. Ежов: *Под ковром*. «АиФ» 2004, № 5, с. 2.

²⁴ С. Лесков: *Вальпургьева ночь*. «Известия» 09.12.2004, с. 4.

²⁵ *Всплеск пиартриотизма*. «МК» 04.11.2004, с. 2.

пустое место»²⁶, людей «никто ни в грош не ставит»²⁷. Становится понятной ответная реакция «населения» на отношение «власти»: «повальная криминализация» («нарушение законов»)²⁸, «повсеместный пофигизм» («безразличие ко всему»)²⁹ и «уклонизм», («уклонение от обязанностей»)³⁰. Среди молодежи призывного возраста растет число «отказников» и «уклонистов». «Отказники» — это молодые люди, «откосившие» от армии, т.е. освободившиеся от воинской повинности с помощью купленных медицинских справок; те из призывников, кто нашли способы легально «уклониться» от службы в армии, — это «уклонисты»³¹. Явление «уклонизма» широко распространено в российском обществе: «уклонисты» — это также бизнесмены, которые не могут безнаказанно отказаться от уплаты налогов, но могут «уклониться», «увести деньги через прорехи в законах»³². Безработица также нашла свое новое языковое отражение — среди сотрудников фирм растет число «отказников» («тех, кому *отказано* в работе»)³³.

Законы, по которым живет российское «население», можно оценивать по признаку «взяткостность», поскольку «взятка совершает в российском обществе круговорот: «[...] *подносят* учителям, врачам, *делятся* с гаишниками, *отстегивают* вышестоящему начальству, офицеры *берут откат* (т.е. взятки)» за боевые выплаты³⁴. Большинство законопослушных россиян, «прозябая в бедности у себя в провинции, [...] чувствуют себя совсем заброшенными»³⁵. В «разоренной российской сельской глубинке повальное пьянство, деревня стареет и вымирает, нет применения ещё оставшимся работающим, сильным людям»³⁶. В городах за малогабаритные «хрущевки» и «брежневки» (т.е. жильё, построенное во времена правления Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева) россияне платят 100 % квартплаты, огромной — в сравнении с прежней, советской. Если не платят, то «государство» ищет способы «прижучить неплательщиков, не пытаясь освежить память о многих долгах перед ними, [...] о мизерных пенсиях стариков»³⁷.

²⁶ Э. Памфилова: *Все опять упирается в коррупцию*. «Известия» 26.02.2004, с. 3.

²⁷ И. Петровская: *Оно даже не прошлое*. «Известия» 08.10.2005, с. 5.

²⁸ О. Костенко-Попова: *Язык с хреном*. «АиФ» 2004, № 5, с. 8.

²⁹ М. Леонтьев: *Союз меча и орла*. «Известия» 26.02.2004, с. 4.

³⁰ А.Лифшиц: *Основы уклонизма*. «Известия» 13.02.2004, с. 2.

³¹ *Всплеск патриотизма...*

³² А.Лифшиц: *Основы уклонизма...*

³³ И. Петровская: *Свобода слова досталась «Аншлагу»* «Известия» 24.12.2004, с. 5.

³⁴ «Известия» 10.03.2005, с. 5; «МК» 04.11.2004, с. 2.

³⁵ Ю. Кублановский [поэт, публицист] рубрика *Чем Вам обрадовал и чем огорчил экран*. «Труд-7» 16–22.12.2004, с. 19.

³⁶ Е. Бубнова, В. Долгодворов: *В тупике*. «Труд-7» 17–23.02.2005, с. 21; Г. Сяньков: *Народ услышит, если будет кому слушать*. «Труд-7» 17–23.02.2005, с. 11.

³⁷ В. Бутаев: *Взгляд с 6-ого этажа*. «КП» 04.12.2004, с. 3.

«Зажиревшую власть»³⁸ не заботит тот факт, что россияне «истерзаны маловразумительными реформами»³⁹. Реакция населения на последнюю по времени реформу, а именно на изменение системы «льготирования», показала, что у даже «самых терпеливых терпение кончается»⁴⁰. «Повальная монетизация» льгот в начале 2005 г. привела к «льготной войне»⁴¹, к «седой революции»⁴², организованной российскими пенсионерами, жизнь которых «депутаты Государственной Думы определяют как 'период дожития'»⁴³.

В зависимости от социальной направленности газет их журналисты по-разному оценивают действия властей (государства) и реакцию на них россиян. Применительно к манифестантам, протестующим против правительственных реформ, обозреватель «Известий» использует инвективы «безмозглый», «беспредельный» («*безмозглые протестанты с беспредельными лозунгами*»)⁴⁴, что свидетельствует не только о конфликтно-агрессивном типе его речевого поведения, но и о неуважении к людям, ставшем нормой поведения в российской общественной жизни.

Обозреватели газет «Аргументы и факты», «Труд» и «Комсомольская правда», стремящиеся взглянуть на ситуацию в обществе глазами рядовых россиян, напротив, отрицательно оценивают действия «властей» («власти»), «государства», о чем свидетельствуют конструируемые ими словосочетания с эпитетами (наречиями, прилагательными и причастиями), выражающими возмущение, ср.: «*бессовестно низкие зарплаты россиян*», «*гибельно терпеливые россияне*», «*мизерные пенсии*», «*зажиревшая власть*». Для журналистов всех цитируемых изданий в основном характерна установка на живую разговорную речь, лишь некоторые обозреватели «Известий» (М. Соколов, Н. Александров) конструируют свой особый философско-политический язык, создавая окказионально-авторские неологизмы — *nomina abstracta* типа «обесмысленность», «особость», «теплохладность» — широко используя конструкции типа *NI есть NI* (например: «Новый праздник есть напоминание о том, что смута — этот бич русской истории — всё же преодолима [...]»; «[...] спасительная солидарность, явленная русскими в 1612 г., для носителей радикальной идеологии есть народное стеснение»; «Для человека, исполненного идеи, водка 7 ноября под винегрет и холодец есть праздничный ритуал [...]»)⁴⁵.

Чтобы привлечь внимание читателей, журналисты нередко нарушают нормы лексической сочетаемости, соединяя слова с различными коннотативны-

³⁸ В. Костиков: *Два президента, две страны*. «АиФ» 2005, № 6, с. 4.

³⁹ Г. Сюньков: *Народ услышит, если будет кому слушать*. «Труд-7» 17–23.02.2005, с. 11.

⁴⁰ А. Крашаков: *Рабы «расейского разлива»*. «АиФ» 2005, № 6, с. 6.

⁴¹ В. Костиков: *Два президента, две страны...*

⁴² А. Проханов: *Ответы читателям*. «Труд-7» 2005, № 2, с. 7.

⁴³ «Известия» 12.11.2004, с. 11.

⁴⁴ М. Соколов: *«Разом их богато»*. «Известия» 01.02.2005, с. 4.

⁴⁵ М. Соколов: *Нерабочий день для населения*. «Известия» 09.11.2004, с. 4.

ми оттенками, принадлежащие к разным языковым стилям, ср.: «повальная криминализация», «повальная монетизация», «пробуксовка внутренней политики», «частные эгоизмы» (узуально — «частная собственность», «частная жизнь»), «льготная война», «прижучить граждан», «зажиревшая власть», «озверевшая страна», «седая революция». Нетипичная лексическая сочетаемость, а также инкрустирование текста бранными словами, жаргонизмами и арготизмами, типа «безмозглый», «пофигизм», «беспредел», «откосить», «отстегнуть», «откат», используются для усиления отрицательной экспрессии. С этой же целью нарушаются правила сочетаемости морфем при создании неологизмов. Так, например, окрашенное иронией существительное «отъезжант» образовано по аналогии с «эмигрант» без учета ограничений этимологического характера, т.е. от исконной глагольной основы с использованием суффикса *-ант*, латинского по происхождению. При образовании существительного «невозвращенец» «эмигрант» — по аналогии с «беженец» — была модифицирована словообразовательная модель «глагол + суф. *-енец*» (ср.: *бежать* → *беженец* и *не возвращаться* → *невозвращенец* 'тот, кто бежал из страны и в нее *не возвратится*').

С целью выражения возмущения, негодования, презрения преобразуется состав известных фразеологических оборотов, в которые вводятся жаргонизмы, вульгаризмы и инвективы: «съехать с катушек» (ср. жаргон. «крыша съехала»), «пройтись с метлой по коридорам заживевшей власти» (ср. «коридоры власти»), «перманентный идиотизм» (ср. «перманентная революция»). Ради эмоциональной характеристики высказывания создаются конструкции *figura etymologica*, в состав которых входят две разные лексемы с одним корнем, находящиеся в сочинительной или подчинительной синтаксической связи: «у самых *терпеливых* *терпение* кончается», «горе *горькое* от ума». Журналисты не только вводят в общенациональный язык новые словосочетания и фразеологизмы, но и наделяют новым содержанием общеизвестные слова из различных лексических пластов, вводя их в «медиаальный оборот»: «протестант» — 'тот, кто *протестует* против правительственных реформ' (ср. «протестант» — 'христианин, исповедующий *протестантизм*'); «уклонист» — 'тот, кто *уклоняется* от уплаты налогов', а также 'тот, кто *уклонился* от службы в армии' (ср. с историзмом «уклонист» — 'сторонник чуждой марксизму-ленинизму политики уступок буржуазии'); «отказник» — 'призывник, который за взятку получил возможность *отказаться* от воинской повинности' и «отказник» — 'тот, кому *отказано* в работе' (ср. с советизмом «отказник» — 'тот, кому *отказано* в выезде за границу').

Журналистское словотворчество и словоупотребление отражают упадок общественной морали, распространение субкультуры преступного мира в российской законопослушной культуре: ср., например, появившиеся в 70-е гг. XX века термины «наукоемкость» — «научное обеспечение какой-л. отрасли

производства»⁴⁶, «радиоэлектронщик» — «специалист в области радиоэлектроники»⁴⁷ и образованные по аналогии с ними неологизмы — квазитермины «взяткоемкость» — ‘обеспечение *взятками*’, «лохотронщик» — ‘специалист по одурачиванию *лохов*, т.е. простаков’. Активно развивается синонимический ряд с интегральным значением «давать взятки»: *подносить* — *делиться* — *отстегивать* — *брать откат*.

Ключевые слова — названия этических и социоцентрических ценностей в социалистических СМИ, такие как «патриотизм», «труд», «мир», «ответственность», «энтузиазм», «свобода», — ныне либо переместились на периферию языка, как «энтузиазм» и «патриотизм», которые используются в иронических контекстах («энтузиазм» призывников и их наивный «патриотизм — *пиартриотизм*», возбужденный минобороновским пиаром), либо пережили конкретизацию, как «мир» («мир в Чечне»), «труд» («физический, умственный труд»). Слово «ответственность» употребляется либо в сочетании с прилагательным «уголовная», либо в сочетании с предложно-падежной группой «за + существительное в вин. пад.», причем в цитируемых нами изданиях ни разу не встретились словосочетания типа «ответственность за судьбу Отечества (родины, России)». Слово «свобода», как правило, используется в отнесении к самим СМИ («свобода СМИ», «свобода слова»), оно употребляется также при характеристике развитых европейских стран и США («демократические свободы»). Для молодёжной газеты «Московский комсомолец» характерен инструментальный подход к трактовке понятия «свобода» с целью манипуляции читателем, которому показывается, как следует жить: «свобода» — это ничем не ограниченная возможность удовлетворения своих потребностей, в том числе и тех, которые при ином общественном строе характеризовались как «низменные» («сексуальная свобода»).

Ключевые слова в статьях о современной российской жизни — это «население» (не «народ»), «страна» (не «Родина», «Отечество»), «обыватель», «россиянин», «раб» (не «гражданин»), «война» («льготная»; «кланов»; «в Чечне») и «революция» («седая», ср. также «революция бархатная»; «оранжевая»; «роз»), а не «мир».

Эскалация речевой агрессии в ведущих общероссийских газетах, эгоцентрический, конфликтно-манипуляторский тип речевого поведения журналистов, отражающий пренебрежение к человеческой личности, способствуют деморализации читателей, вызывая в них ощущение неизбежности социальной катастрофы, порождая фрустрацию, а затем либо полное безразличие к общественным обязанностям, либо ответную агрессию в отношении государства и созданного им общества. В «пограничной

⁴⁶ *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг.* Москва 1984, с. 397.

⁴⁷ Там же, с. 604.

ситуации», обусловленной социально-экономическими потрясениями, при таких особенностях русской ментальности, как сочетание долготерпения и нетерпимости, пассивности и бунтарства, эскалация агрессии в средствах массовой информации может стать катализатором общественного взрыва.

Jelena Koriakowcewa

JĘZYKOWY OBRAZ RZECZYWISTOŚCI ROSYJSKIEJ
WE WSPÓŁCZESNEJ STOŁECZNEJ PRASIE

S t r e s z c z e n i e

Autorka objęła obserwacją artykuły publicystyczne dotyczące rosyjskiego życia społecznego, aby ustalić, jak jest oceniana przez stołecznych dziennikarzy jego jakość. Skupiła się na kilku wybranych szczególnie opiniotwórczych gazetach. Zbadała środki językowe, w których przejawiała się agresja i dezaprobata oraz nastawienie dziennikarzy na manipulowanie opinią publiczną.

Elena Koryakovtseva

THE LINGUISTIC IMAGE OF RUSSIAN LIFE
IN THE CONTEMPORARY MOSCOW PRESS

S u m m a r y

The focus of the article is the analysis of the linguistic image of Russian society created by journalists of the Moscow influential newspapers. The analysis covers more recent pejorative derivatives and idioms found in the Moscow press that have emerged the past year and have not yet been listed in professional dictionaries. The autor perceive the communicative intentions of journalists and their methods of evaluation of concepts Nation, Citizen, Patriotism, State, Peace. The modern publicistic texts are characterized by continually growing trend to intensify negative emotions. Besides expressive words have also manipulate function.